

Переизобретение советского университета¹

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

НИВЕРСИТЕТСКАЯ традиция в России, к которой так часто апеллируют исследователи и публицисты, обычно рисуется как непроблематичная, устойчивая во времени характеристика развития отечественной высшей школы. Однако это прошлое каждый раз — на протяжении десятилетий и уже веков — реорганизуется для службы настоящему.

Как правило, в обыденной речи традиция представляется аллегорически — как вневременной свод неявных правил и заповедей, лишь подтверждающийся теми или иными конкретными примерами и всем обретенным опытом. В отличие от прочих высказывающихся на эту тему людей, профессионал создает «большую» историю (конкретного своего или российского в целом) университета и экстрагирует из нее традицию посредством процедуры типологизации источниковых данных. При этом он должен верить в наличие «объективных» признаков и характерных черт изучаемого прошлого. Для гомогенизации временного потока в таких случаях используется прием масштабирования, когда мериллом эволюции объекта исследования служит один из его элементов, например число учащихся в университетах, присуждение ученых степеней, факультетская структура или постоянно пополняющийся список «славных имен».

После выхода коллективной монографии под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера² общим местом в социогума-

1. В данной научной работе использованы результаты проекта «Институциональные структуры и академические сообщества: факторы динамики социогуманитарного знания», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.
2. *The Invention of Tradition* / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.). N.Y.: Cambridge University Press, 1983; *Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe,*

нитарных дисциплинах стала максима, согласно которой в социальной жизни традиции изобретаются, а смысл любой из них придают мемуаристы и историки. Именно воспоминание организует время в непрерывную последовательность. Сама по себе линейная хронология — это абстракция, которая редко соответствует ощущению времени современниками. В историческом нарративе она располагает историческое знание в логике «до» и «после» и задает направленность логике рассказа.

Эти положения, изложенные в трудах современных философов и социологов, а также антропологов, занимавшихся исследованием социального или исторического времени³, проблематизировали создание большого исторического нарратива для гетерогенных образований, к числу которых мы относим и университеты. Они же легли в основу предлагаемой нами деконструкции концепта «университетская традиция». Произвести ее нас побудили несколько обстоятельств: периодически обостряющиеся споры о преемственности современных вузов и их исторических предшественников; хронологические противоречия в историографии локальных университетов и истории «российского университета» в целом и прагматика (то есть использование) концепта «университетская традиция» в политике (в публичной истории, политике образования, конкурентной борьбе на рынке образовательных услуг).

Сегодня мы оказались свидетелями повсеместно вспыхивающих на постсоветском пространстве дискуссий о преемственности современных университетов их историческим предшественникам (Харьковского университета Харьковскому колледжиуму, Петербургского университета Академическому университету 1725 года, Воронежского университета эвакуированному Дерптскому университету и т. д.). С одной стороны, в основе этих споров лежит убеждение в исторической универсальности понятия «университет», нехарактерной, однако, ни для одной из стран.

1870–1914 // *Representing the Nation: A Reader* / D. Boswell, J. Evans (eds.). L.; N.Y.: Routledge, 2007. P. 82.

3. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997; Остерхаммель Ю. Трансформация мира: история XIX века: Главы из книги / Пер. А. Каплуновского // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 21–140; Bourdieu P. *The Logic of Practice*. Stanford: Stanford University Press, 1990; Zarubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. Berkeley; L.A.; L.: University of California Press, 1981; *Idem*. *The Standardization of Time: A Sociohistorical Perspective* // *American Journal of Sociology*. 1982. Vol. 88. № 1. P. 1–23; Munn N. D. *The Cultural Anthropology of Time: a Critical Essay* // *Annual Review Anthropology*. 1992. № 21. P. 93–123; Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München: C. H. Beck, 2010.

С другой стороны, борьба за первородство опирается на априорное признание непрерывности университетской истории.

В юбилейных версиях университетского прошлого жизнь того или иного вуза делится на не совпадающие по продолжительности и свойствам фрагменты, персонализированные именами «своих» администраторов (попечителей или ректоров) либо размеченные политическими катаклизмами (ревизиями, студенческими беспорядками, войнами, региональными событиями). Сборка большого периода как целостности в локальных историях возможна лишь через использование вневременных категорий «университетские черты» и «университетская культура»⁴. В итоге перед исследователем оказывается несколько десятков параллельных, и по сути, никак не пересекающихся историй разных университетов — от столичных до окраинных (и скорее, фоном, чем контекстом, в таких нарративах предстает общая политическая история страны или своего региона).

4. О возможности такой преемственности для Казанского университета см: Вишленкова Е. А., Мальшиева С. Ю., Сальникова А. А. История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 271–311; Vishlenkova E. A., Malysheva S. Yu. Universität als Wissenschaftseinrichtung und als Form der Gedächtnisorganisation // *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*. 2008. Bd. 11. S. 155–182. О преемственности Харьковского университета Харьковскому коллегияму см: Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): В 2 т. Т. 1. 1802–1815. Харьков: Паровая тип. и литограф. М. Зильберберг и с-вья, 1893. С. 14–51; Посохова Л. Ю. Православные коллегиямы Российской империи: (вторая половина XVIII — начало XIX веков): между традициями и новациями // *Ab Imperio*. 2010. № 3. С. 85–113. Обоснование преемственности Санкт-Петербургского университета см. в: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX веков. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1988; *Они же*. «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX веков. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000; Жуковская Т. Н. Какая история нужна Петербургскому университету? // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX веках: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунауч. конф., 23–25 июня 2009 года / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд. дом. СПбГУ, 2010. С. 463–478. Критику аргументации петербургских историков см. в: Левшин Б. В. Академический университет в Санкт-Петербурге: историческая справка // Отечественная история. 1998. № 5. С. 73–76; Андреев А. Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Там же. С. 62–72; Кулакова И. П. Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. Вып. 5. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2000. С. 28–64; Андреев А. Ю. Проблемы рецепции «гумбольдтовского» университета в России в ее прошлом и настоящем // Гумбольдтовские чтения: материалы междунауч. конф. М.: РГГУ, 2010. С. 146–147.

При изучении публикаций, посвященных правительственной политике и системе университетского образования, взору читателя, напротив, предстают единое пространство страны или региона (созданное стирающими локальные различия понятиями «университетская идея»⁵, «университетская система»⁶ или «университетские модели»⁷) и общая история, разделенная университетскими уставами и политическими событиями на этапы однонаправленного развития.

Утверждение такой упорядоченной континуальности дает исследователям российской университетской истории ценной замалчивания свидетельств современников об «индивидуальных» цезурах (например, ревизии и обновлении Казанского университета в 1819–1825 годы, кадровой реформе в Московском университете в 1835–1837 годы, послереволюционной ликвидации университетской автономии, политических репрессиях 1930–1940-х годов).

Утверждаемая в жанрово различных текстах заведомая гомогенность университетской традиции, ее идентичность самой себе во времени и пространстве, как представляется, искажает историческое сознание читателей: она камуфлирует интересы авторов исторических нарративов, исключает возможность признания множественности университетского прошлого и делает Россию субъектом особого пути и носителем особой университетской традиции. Наше понимание последней не сво-

5. *Афонюшкина А. В.* О правительственной политике России 20–40-х годов XIX века в области университетского образования // Российские университеты в XIX — начале XX веков: сб. науч. ст. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1993. С.15; *Андреев А. Ю., Посохов С. И.* Раздел 1. Конец XVII — начало XIX веков // Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX веков. Антология: учебное пособие для вузов / Сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 15.
6. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во МГУ, 2002–2003. Т. 1–4; *Чесноков В. И.* Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов // Российские университеты в XVIII–XX веках: сб. науч. ст. Вып. 6. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. С. 145.
7. *Gellert C.* The Emergence of Three University Models: Institutional and Functional Modifications in European Higher Education. Florenz: European University Institute, 1991; *Wittrock B.* The Modern University: the Three Transformations // The European and American University since 1800 / S. Rothblatt, B. Wittrock (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 303–361; A History of the University in Europe / W. Rugg (ed.): Vol. 1. Universities in the Middle Ages / H. De Rudder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Vol. 2. Universities in Early Modern Europe (1500–1800) / H. De Ridder-Symoens (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Vol. 3. Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800–1945) / W. Rugg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Vol. 4. Universities since 1945 / W. Rugg (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

дится к ее разоблачению как пустой фикции или чисто бутафорского конструкта. Индивидуальное и групповое чувство преемственности, интерес к работам учителей и предшественников, ритуалы и символы принадлежности к университету, музеи университетской истории, тонкие брошюры и солидные тома, посвященные прошлой жизни студентов и профессоров, — все это составляет университетскую традицию. Однако все образы и виды деятельности, с одной стороны, изменялись во времени, исчезали и утверждались заново в спорах и противоречиях, с другой — служа целям меняющейся историко-политической конъюнктуры и следуя убеждениям исполнителей и заказчиков, университет представлял то храмом чистого знания, далеким от политических споров, то ветхим старцем, обреченным на покой, то очагом революционного брожения и оплотом передовой науки; в зависимости от этих ключевых установок пересматривалась и исправлялась картина университетского прошлого.

Задача современного историка университета заключается не в безнадежных попытках очистить подлинную картину университетской истории от наслоений последующих интерпретаций-искажений. Важно показать, что эти наслоения как раз и составляют важную часть эволюции университета как с точки зрения институциональной политики, так и в плане изменчивой памяти университетской корпорации и разных ее групп.

На наш взгляд, главная проблемная зона российской университетской истории — это ее советская составляющая. Поэтому мы считаем нужным проанализировать узловые пункты реформирования университетской традиции именно на этом хронологическом отрезке, сознательно оставляя за скобками интереснейшие перипетии университетских самоописаний XIX века и лишь в заключительном разделе и, разумеется, выборочно касаясь обстоятельств постсоветского развития.

ЗАПРЕТ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Сокрушительный удар по прежним образам и стратегиям университетских самоописаний нанесли идеологические кампании советской власти (внедрение нового университетского устава 1921–1922 годов и фактическая ликвидация университетов в 1930–1932 годах). Их разрушительное воздействие усилили идеологические проработки 1930-х годов и особенно конца 1940-х годов. В результате императорский университет с его ценностями самоуправления и свободы мысли был замещен со-

ветской «фабрикой знаний» высшего разряда⁸. На эту перемену работало и общее расширение сети и контингента университетов. К тому же, вопреки заветам Вильгельма фон Гумбольдта, научные исследования в советских университетах были отделены от обучения и сосредоточены либо в отраслевых институтах, либо в учреждениях структуры Академии наук.

Все это, разумеется, прямо и непосредственно отразилось на практиках университетского самоописания. На самый сложный для российской, в том числе университетской, науки 1919-й год, связанный с недоеданием и гибелью ученых, дефицитом ресурсов, гражданским кровопролитием, пришелся столетний юбилей Санкт-Петербургского университета, подготовка к которому началась еще в годы Первой мировой войны. Усилиями С. В. Рождественского и при содействии местных органов Наркомпроса был издан обширный том материалов по ранней истории университета (лишь один из десятка запланированных). Но сразу же в весьма жесткой рецензии на него историк революционного движения и один из лидеров «левой профессуры» М. К. Лемке предрек, что в случае реализации всего проекта

...мы будем иметь удовольствие видеть исчезновение массы бумаги ради очень и очень небольшого числа специалистов по истории высшего образования в России, кому они действительно могут быть нужны⁹.

Лемке был настроен весьма критически к старой профессуре и прежним университетским порядкам (особенно на историческом отделении, куда он попросту не был в свое время допущен коллегами). Но так мыслил не только он — то был дух времени. После 1920 года на Украине университеты были ликвидированы и реорганизованы в институты народного образования. На страницах тогдашней печати этот факт рисовался как необходимый и исключительно прогрессивный:

Если бы революционное движение на Западе в своих школьных преобразованиях резко разбило — расколело — университет, то мы могли бы с уверенностью сказать, что перед нами рево-

8. Александров Д. А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Хайнманна. СПб.: Наука, 2002. С. 152–165.
9. Лемке М. К. Рец. на: Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919: материалы по истории Санкт-Петербургского университета / Собр. и изд. И. Л. Маяковский и А. С. Николаев; под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. Т. 1. 1819–1835 // Печать и революция. 1921. Кн. 8–9. С. 62.

люционная борьба, аналогичная нашей, с аналогичным же успехом. Но тот факт, что соглашательские социал-демократы в период, когда они *могли* это сделать, но не тронули университета, является своего рода показателем всего *темпа* революции на Западе. И обратно: то обстоятельство, что как раз на университет мы направили свой основной удар, лучше всего свидетельствует о том, что этот удар мы делали в темп нашей коммунистической революции¹⁰.

Основной формой противоположной тенденции — легитимации университетской традиции — с середины 1920-х годов стала отсылка к революционному студенческому движению¹¹ и заслугам прогрессивной профессуры. По мере приближения к рубежу 1917 года эти профессора представлялись оппозиционной и страдающей группой, третируемой либералами и националистами. Данная стратегия «перепрофилирования» традиции легла в основу появившейся в 1930-м году обширной истории Казанского университета — двухтомном труде молодого историка М. К. Корбута, через несколько лет после этого репрессированного¹².

Переосмыслению подверглось ключевое для прежнего университета (как профессоров, так и студентов) понятие «автономия». Эта «диалектика» была отмечена в брошюре ректора университета в 1922–1925 годах филолога Н. С. Державина (которого ранее считали приверженцем правых, почти черносотенных взглядов), выпущенной к шестой годовщине Октября:

Либеральный, прогрессивный и революционный лозунг в прошлом — борьба за «автономию» школы сейчас, в новых истори-

10. М. А. От гимназии — к профшколе, от университета — к техникуму и институту // Путь просвещения [Харьков]. 1924. № 10 (20). С. 59. См. также апелляцию к немецкому и американскому опыту для украинской реорганизации: *Готалов-Готлиб А. Г.* Кризис университета и вопрос о подготовке учительства // Путь просвещения. 1923 № 2. С. 37–61.
11. См.: *Орлов В. И.* Студенческое движение в Московском университете в XIX столетии. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934 (именно материалами о нагайках, демонстрациях, тюрьмах и репрессиях буквально переполнены материалы о прошлом университета на страницах студенческой периодики 1920-х годов, притом что о науке и о собственно обучении сказано крайне скудно).
12. *Корбут М. К.* Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет: 1804–1805–1925–1930: В 2 т. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1930.; *Блюмштейн З. Н., Корбут М. К.* Празднование 125-летнего юбилея Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина // Ученые записки Казанского университета. 1930. Кн. 5. С. 768–778. О М. К. Корбута см.: *Литвин А. А., Маслова Е. С., Сальникова А. А.* Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899–1937). Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2009.

ческих условиях нашей жизни и нашего общественно-политического и культурно-государственного строительства есть лозунг не только реакционный, но, несомненно, и контрреволюционный, искусно используемый в стенах высшей школы буржуазией в своих интересах¹³.

Подчеркивание автономии университета от царского правительства и имперской власти, необходимости свободы для развития просвещения и науки (в духе милюковской традиции)¹⁴ определяло подход к университетскому прошлому среди российских эмигрантов первой волны, широко отмечавших и 175-летие, а потом и 200-летний юбилей МГУ в 1930 и 1955 годах¹⁵.

Юбилей МГУ 1930 года в советской России показательно совпал с самым яростным наступлением функционеров различных ведомств и идеологического актива на университет как таковой. Зеленый свет им был дан в постановлении ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23 июля 1930 года. Университет виделся рудиментом феодальных времен и предстал на страницах печати и в руководящих документах хаотическим конгломератом различных факультетов и отделений, который должен быть реорганизован с учетом курса на всемерную индустриализацию и решение актуальных хозяйственных задач. Для этого его предстояло разделить на специализированные, преимущественно технические, и практически ориентированные институты. В качестве примера упоминались исторические уроки прежних атак на университеты:

13. Державин Н. С. Высшая школа и революция. М.; Пг.: Прибой, 1923. С. 38–39.
14. Кизеветтер А. А. Московский университет и его традиции // Кизеветтер А. А. Исторические отклики. М.: К. Ф. Некрасов, 1915. С. 319–338; *Он же*. Московский университет и его традиции (роль Московского университета в культурной жизни России). Прага, 1927.
15. Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник: издание Парижского и Пражского комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета / Под ред. В. Б. Елеяшевского, А. А. Кизеветтера, М. М. Нвиков. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930. Сборник был подготовлен парижским Обществом бывших воспитанников императорского Московского университета и Комитетом, организованным при Русском народном университете в Праге. См. также: Двухсотлетие Московского университета, 1755–1955: празднование в Америке. N.Y.: All Slavic Publ. House, 1956. Общий обзор: Кононова М. М. Традиции Московского университета: взгляд из русского зарубежья // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 161–165. Небольшой сборник был подготовлен к 100-летию Киевского университета: Столетие Киевского университета Св. Владимира (1834–1934). Белград: Изд-во Комитета киевских профессоров в Любляне, 1935.

...не случайным эпизодом Великой французской революции явился декрет 1792 года, закрывший все 22 университета Франции как учреждения реакционные и по своему содержанию, и по методам преподавания¹⁶

и позитивно оцененный украинский опыт, который следовало повторить и в РСФСР для борьбы с «порождением седой старины». С тем, что срок жизни «175-летнего старца» почти истек, соглашался и тогдашний ректор МГУ экономист И. Д. Удальцов¹⁷.

После постановления ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 года волна реорганизаций пошла на спад, и уже к середине 1930-х годов университеты были признаны ведущими центрами фундаментальной подготовки специалистов. Юбилеи Московского университета и недавно восстановленных в УССР Харьковского и Киевского университетов были отмечены в 1935 году в центральной печати¹⁸. Тогда везде стала подчеркиваться преемственность широкой научной — а не только «общественнической» — традиции с наследием XIX века (по шаблону отраслевых историографий вроде *изучения химии/геологии/славяноведения etc в N-ском университете* за соответствующее число юбилейных лет; и тон этих дисциплинарных описаний был гораздо более взвешенным и объективным, чем в общих трудах по истории университетов¹⁹).

Теперь острие классового подхода было развернуто в иную сторону — не на разрушение прежних канонов, а на пропаган-

16. Бровман Г. [А.], Поповкин Е. [Е.] Университет ждет своей революции // Революция и культура. 1929. № 21. С. 17 (прим. 2). С. 22. Эти два тогдашних студента 1907 года рождения уже после, в 1950–1960-е годы, станут вполне известными литературно-идеологическими функционерами (особенно активно будет полемизировать с «Новым миром» А. Т. Твардовского, публикациями В. Я. Лакшина и А. И. Солженицына Г. А. Бровман).
17. См. подробнее: Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932) // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы) / Под ред. А. Н. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 537–540.
18. См.: Фронт науки и техники. 1935. № 9. С. 27–69. Под общей рубрикой «Борьба за кадры» материалы П. Валескална «Государственные университеты», Л. Ганжинцева «Московский университет и вехи его развития», статьи ректора М. Кушнарева и профессора Б. Якубского о Киевском университете и т. д.
19. Даже идеологический рубеж 1953–1956 годов был в этом жанре не так заметен; ср., например: Наметкин С. С. Химия в Московском университете за 185 лет // Успехи химии. 1940. Т. 9. Вып. 6. С. 703–726; Александров П. С., Гнеденко Б. В., Степанов В. В. Математика в Московском университете в XX веке // Историко-математические исследования. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 9–42, и Цетлин Л. С. Из истории научной мысли в России (Наука и ученые в Московском университете во второй половине XIX века). М., 1958.

ду важности нового, советского наследия, которое только и позволило реализоваться сполна давним университетским идеалам и начинаниям. Характерный текст напечатал к юбилею Ленинградского университета биолог А. В. Немиллов:

За 21 год Великого Октября на месте бывшего «Санкт-Петербургского университета», в конце концов совсем оторвавшегося от жизни и не знавшего, кого и для чего он готовит, вырос мощный научный комбинат, крепко связанный с массами и пустивший корни в разные направления. <...> То ценное зерно, которое заключалось в самой основе построения университета, не могло себе найти подходящей почвы в дореволюционное время. Только при советской власти основная установка университета и могла быть реализована как следует. Хлынувшая в университет масса рабочих и колхозников нутром почувствовала ценную сущность университетского образования и помогла этой идее созреть и вылиться в тот социалистический Ленинградский университет, который мы имеем в настоящее время»²⁰.

Тем самым во второй половине 1930-х годов появилось намерение советских идеологов легитимировать за счет современных достижений и успехов университетское прошлое в целом. Накануне войны вышел юбилейный сдвоенный том «Ученых записок МГУ»²¹. Только вместо прежних солидных изданий «к датам», подобных тем, которые обычно профессора-историки готовили в конце XIX века, перед читателем были очерки, в которых история предстала деперсонализированной чередой «классовых боев» в рамках университета. И это кардинально отличало «новую» историю от прежних рассказов о жизни корпораций, воплощенных в биографиях профессоров и развитии учреждений.

Примечательно, что авторами юбилейных очерков, особенно касающихся политически острых периодов университетской истории — цезур, были аспиранты, ассистенты, а то и коллективная бригада студентов (в которую входили, в частности, будущие известные историки М. Я. Гефтер и Б. Г. Тартаковский)²². С сере-

20. Немиллов А. В. 120 лет Ленинградского государственного университета // Советская наука. 1939. № 2. С. 172.

21. Аналогичные юбилейные тома «Ученых записок» подготовили в 1940 году также биологи, физики, географы, геологи (с почвоведом) и астрономы; см. сводный очерк: 185 лет Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского университета, 1941.

22. См.: Ученые записки МГУ: Юбилейная серия. Вып. L-LI. История. М., 1940 (во второй половине 1930-х годов вышли издания по истории Воронежского, Саратовского и — наиболее подробное — Одесского университетов: Одесский университет за 75 лет (1865–1940) / Под ред. К. П. Добролюбовского. Одесса: Типография Одесского университета, 1940).

дины 1930-х годов у нового жанра университетских исследований появилась еще одна особенность: на общем фоне весьма политизированного и обезличенного повествования были выделены биографии политически выдержанных профессоров — К. А. Тимирязева, Н. Я. Марра, И. П. Павлова, которые с тех пор становятся своего рода «иконами» и одновременно олицетворением «славного прошлого». В дни празднования «некруглого» юбилея, в мае 1940 года, Московский университет был удостоен ордена Ленина и ему присвоили имя М. В. Ломоносова (с октября 1932 года по сентябрь 1937 года университет носил имя историка-большевика М. Н. Покровского). Позднее к этому сонму университетских святых добавятся Т. Н. Грановский, Д. И. Менделеев (несмотря на близость к идеям «реакционнейшего» Александра III) и уже после 1960-х годов В. И. Вернадский, которому перестают вменять в вину членство в кадетской партии и близость к Временному правительству.

В конце 1940-х годов возвеличивание «людей русской науки» и неумеренное подчеркивание русского приоритета во всех областях знания тоже, как ни парадоксально, содействовало реабилитации связи советского и «дореволюционного» (не «императорского») университета. Сразу после окончания Великой Отечественной войны спрос на прошлое оказался неимоверно высоким в Ленинградском университете, во главе которого тогда стоял амбициозный ректор А. А. Вознесенский. Именно там в юбилейном издании «ученых записок» появилась большая статья С. Н. Валка, выдающегося источниковеда, ученика А. С. Лаппо-Данилевского, о развитии исторической науки²³. В Ленинграде вышел отдельный том о советской истории вуза²⁴, начал работать первый в стране музей истории университета²⁵. Однако новые идеологические кампании эту реставрационную деятельность практически свели на нет (празднование 130-летия этого университета в контексте разворачивающегося «ленинградского дела» было, по сути, запрещено²⁶).

Очередная волна реабилитации прошлого и восстановления преемственности пришлось на середину 1950-х годов и прояви-

23. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1946 (см. републикацию: *Он же*. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. С. 7–106).

24. Ленинградский университет за советские годы (1917–1947). Очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948.

25. См.: Тихонов И. Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

26. Дружинин П. А. Филология и идеология. Ленинград, 1940-е годы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 258–259.

лась в подготовке юбилея Московского университета. Тогда был издан весьма представительный двухтомный труд по истории ведущего вуза страны²⁷. Дореволюционное прошлое в нем перестало быть свидетельством чего-то архаично-буржуазного и обреченного на слом. Напротив, оно предстало залогом нового успешного *советского* развития, его необходимой предысторией. В конце 1950-х годов стали издаваться сборники с фрагментами воспоминаний об университетах (а не только о героической борьбе за завоевание «крепости буржуазной науки», как в 1920–1930-е годы²⁸). Особенно показательна эта сложная игра лояльностей, «советского» и «традиционного» в случае университетов с большим прошлым в таких непростых регионах, как Западная Украина и Прибалтика. Для университетов Львова, Вильнюса и Тарту (как и университетов Чехословакии, Восточной Германии или Венгрии) это подразумевало обращение к архаическому или заведомо чужому наследию.

В годы оттепели и застоя появилось уже много работ по истории отдельных университетов (особенно Санкт-Петербургского/Ленинградского), сводные «юбилейные» труды по истории Киевского, Казанского, Тартуского, Томского, Ростовского и Пермского университетов²⁹. Но при этом даже свободные от явных

27. История Московского университета: В 2 т. / Редкол.: М. Н. Тихомиров (отв. ред.) и др. М.: Изд-во Московского ун-та, 1955; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века: В 3 т. / Подг. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960–1963; см. сборник с характерным названием: *Белявский М. Т., Сорокин В. В.* Наш первый, наш Московский, наш Российский: памятные места старого здания Московского университета. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1970.
28. Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. и авт. примеч. Р. А. Ковнатор; под ред. П. А. Зайончковского, А. Н. Соколова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. Ср. материалы рубрики «Как все начиналось» // *Красное студенчество. 1928–1929.* № 3–4. С. 26–40 (мемуары А. П. Пинкевича, Д. Н. Боголепова и особенно О. Б. Лепешинской — с характерным заголовком «Во вражеском стане» — о начале работы в МГУ в Гражданскую войну).
29. Наиболее полный свод таких работ представлен в исторических разделах библиографических указателей. См.: *Днепров Э. Д.* Советская литература по истории школы и педагогике дореволюционной России (1918–1977): библиогр. указ. М.: Акад. пед. наук. НИИ общ. педагогики, 1979; *Милкова В. И.* Высшее образование в СССР и за рубежом: библиогр. указ. книг и журнальных статей (1959–1969). М.: Высшая школа, 1972; То же: 1970–1975. М.: Высшая школа, 1978; То же: 1976–1980: В 2 ч. М.: Высшая школа, 1985; Университетское образование в СССР и за рубежом: библиогр. указ. русской и иностранной литературы. Вып. 1–3, М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1966–1981. Вып. 1. ... за 1950–1960 годы. 1966; Вып. 2. ... за 1961–1967 годы. 1974; Вып. 3. ... за 1973–1977 годы. 1981; Университетское образование в СССР и за рубежом: указ. литературы на русском языке (1978–1985). М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1987; *Лантева Л. П.*

сталинских штампов истории еще долго не мыслились как продолжение прежних дореволюционных сводов: с работами предшественников — С. П. Шевырева, А. И. Маркевича, В. В. Григорьева — историки из МГУ, Одесского университета или СПбГУ обращались или критически, или сугубо инструментально.

Часто авторами работ об университетах, кроме историков-профессионалов, были бывшие ректоры — как С. Е. Белозеров в Ростове или создатели обобщающей сводной работы по университетскому образованию в СССР бывший ректор МГУ физик А. С. Бутягин и его помощник филолог Ю. А. Салтанов³⁰. К тому времени такие университетские истории перестали восприниматься советской властью в качестве трудов, чреватых опасностью позитивной репрезентации «чужого» прошлого. После десятилетий чисток и «коммунизации» преподавательского корпуса с университетов было снято подозрение в оппозиционности. Они, действительно, стали лояльными господствующей системе — в отличие, например, от собратьев в Восточной Европе, где этот процесс растянулся почти до начала 1970-х годов³¹.

Университетские истории позднесоветского времени были вполне интегрированной частью государственного дискурса прошлого, что обеспечивало им политико-административную поддержку и финансирование. В обстановке и атмосфере «оттепели» появились первые труды ныне признанных специалистов по истории университетской системы Российской империи — Г. И. Щетининой, Р. Г. Эймонтовой и А. Е. Иванова. Показательно, что все они были сотрудниками *академических* институций. Тогдашняя смелость их публикаций заключалась в реанимации идеала университетской автономии в духе С. Г. Сватикова или А. А. Кизеветтера, идеала, который в раннесоветский и сталинский периоды был объявлен достоянием прошлого, и рассуждения о нем расценивались как акт политический.

Во всяком случае к концу 1980-х годов, то есть еще в рамках советской идеологии, канон и возможный спектр легитимной

История российских университетов XVIII — начала XX века в новейшей отечественной литературе // Российские университеты в XVIII — начале XX века. Вып. 5. С. 3–27; и др.

30. Белозеров С. Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1959 (Белозеров был ректором университета в 1938–1954 годы); Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Московского ун-та, 1957.

31. См.: Connelly J. Captive University: The Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000; Academia in Upheaval: Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe / M. David-Fox, G. Péteri (eds.). Westport, Conn.: Bergin & Garvey, 2000.

и публично признанной университетской памяти был существенно расширен по сравнению с «нигилистическим» периодом 1930-х годов³². Занятия прошлым университета, собиранием в том числе и неофициальной культурной памяти стало делом немногих энтузиастов, из которых отдельного упоминания заслуживает Владимир Дмитриевич Дувакин (1909–1982), пионерские занятия которого устной историей с конца 1960-х годов стали возможны благодаря покровительству тогдашнего ректора МГУ И. Г. Петровского³³. А к моменту перестройки апелляция к дореволюционному прошлому была четко артикулирована и апроприирована на символическом уровне — как важный ресурс самолегитимации и средство защиты от слишком радикального идеологического вмешательства.

В новых рыночных условиях этот ресурс был заново освоен и «перепрограммирован» для успеха иных практик самоутверждения *прежней* университетской элиты. Ведь, как известно, в России не произошло тех радикальных изменений в университетской среде (и управленческом корпусе университетов), которые оказались характерны для вузов Восточной Европы и особенно ГДР³⁴.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА ТРАДИЦИИ

Стоит напомнить, что к концу 1980-х сильно изменилась и расширилась география отечественного университетского строительства. В сакраментальном 1913 году в России работало девять университетов (Москва, Петербург, Киев, Казань, Харьков, Юрьев [Дерпт, Тарту], Одесса, Томск, Саратов), в феврале 1917-го — одиннадцать, а на момент распада СССР — 70. В 1950–1970-е годы многие территориально-административные области и особенно республики (союзные, а затем и автономные) обзавелись в 1950–

32. См. общие соображения: Вишленкова Е. [А.], Малышева С. [Ю.], Сальникова А. [А.] История университета как история памяти корпорации? // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 289–307; Вишленкова Е. А. Память об университетских конфликтах и конфликты университетских памятей // *Cogito: альманах истории идей*. Вып. 3. Ростов-на-Дону: Логос, 2008. С. 114–129.
33. *Споров Д.* Живая речь ушедшей эпохи: собрание Виктора Дувакина // *Новое литературное обозрение*. 2005. № 4. С. 454–472.
34. См. материалы обзора: Агеенко Е. В. Реформы системы образования в новых землях ФРГ // *Проблемы зарубежной высшей школы*. Вып. 3. М.: НИИВО, 1994; Майер Х. Научный потенциал ГДР и формирование новой элиты // *Социологический журнал*. 1996. № 1/2. С. 41–55; Плюснин Ю. М. Российско-германская конференция «Реформирование науки и высшей школы в России и Восточной Германии: сопоставление» (обзор) // *Науковедение*. 1999. № 3. С. 230–232.

1970-е годы *своими* университетами ради повышения государственного статуса. Впрочем, судя по разрозненным свидетельствам (базирующихся на архивах работ по послесталинской образовательной политике пока не существует), обзаведение университетами не было системным и оказывалось успешным только при наличии лоббистских ресурсов у местной власти, например, для открытия университетов в Ярославле, Самаре или Уфе³⁵.

С началом перестройки стала возможной самоорганизация университетских сообществ и их горизонтальная интеграция. Правда, над солидарным духом автономных университетов довольно скоро возобладали амбиции их управленческих звеньев. В марте 1989 года при весьма благожелательном отношении тогдашнего руководителя союзного Госкомитета по образованию, бывшего ректора Московского химико-технологического института (МХТИ) Г. А. Ягодина была создана Ассоциация университетов СССР, с 1992 года переименованная в Евразийскую. В конце ноября 1992 года возникло профессиональное объединение университетских администраторов — Российский союз ректоров. И Евразийскую ассоциацию, и союз ректоров возглавил бессменный руководитель МГУ В. А. Садовничий³⁶.

Весьма консервативные по своей сути эти объединения довольно успешно работали в 1990–2000-е годы в административном сегменте образовательного рынка, тормозя или корректируя (в том числе через профильные комитеты парламента) те инициативы правительства, Госкомитета по высшей школе или Министерства образования, которые были для ректорского корпуса сомнительны или попросту невыгодны³⁷.

Получив право говорить от лица коллективного «мы» и управлять посредством выстраивания иерархий, Ассоциация и Союз провозгласили наличие в российском образовательном пространстве заповедной зоны — «классические университеты». Записанные в нее школы претендовали на высшие позиции и обосновывали свои претензии историческим вкладом в создание национальной университетской традиции. На практике и на фоне стремительного процесса «университизации» тех-

35. См. материалы официальной книги многолетнего министра высшего и среднего специального образования СССР: *Елютин В. П.* Высшая школа общества развитого социализма. М.: Высшая школа, 1980.

36. См. официальный сайт Евразийской ассоциации университетов: URL: <http://www.eau-msu.ru/>. Сайт Российского союза ректоров: URL: <http://www.rsr-online.ru/index.php>, первым руководителем которого был ректор Института нефти и газа имени И. М. Губкина В. Н. Виноградов.

37. См. итоги исследования настроений ректорского корпуса в 1990-е годы в статье: *Овсянников А. А.* Система образования в России и образование России // Мир России. 1999. № 4. С. 105–109.

нических, педагогических и прочих вузов *классическими* стали считаться или именоваться госуниверситеты советского времени³⁸. К ним удалось присоединиться только нескольким университетам из региональных центров, выросших на базе педагогических институтов.

Созданная в начале 2000-х годов Ассоциация классических университетов России (АКУР) объединила 24 университета, а весной 2010 года в нее входило уже 43 университета, «соответствующих критериям классического»³⁹. Описание этих критериев, присутствующее на сайте АКУР, хотя и начинается со *срока деятельности* вуза в этом статусе, состоит из формальных числовых показателей (наличия в вузе программ подготовки магистров, бакалавров или специалистов не ниже установленной нормы от всего спектра потенциальных дисциплин).

Несмотря на семантическую размытость понятия «классический университет» (или благодаря ей), под давлением разнообразных лоббистских структур идея *классического университетского* образования стала механизмом распределения власти и ресурсов на внесударственном уровне. Это осуществлялось через структуры внутри Евразийской ассоциации университетов и особенно через такую специфическую и непубличную сферу, как методическая работа: утверждение программ, аккредитация, придание грифа учебной литературе и т. д.

В середине 1990-х годов за особый вклад в национальную университетскую традицию (а реально за политическую поддержку весьма слабой тогда правящей власти) ряд самых старых университетов страны были включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, что гарантировало им привилегированное государственное финансирование.

Система приоритета «старых» университетов в определении рамок и параметров учебного процесса стала складываться в России в перестроечные годы. Она была закреплена Комитетом по высшей школе Министерства науки России от 6 мая 1992 года (Постановление № 141 «О создании научно-методических советов Комитета по высшей школе Миннауки России»). А в июне 2001 года эта привилегия была вновь подтверждена Министерством образования.

Несмотря на разнесенность научно-методических советов по разным (преимущественно «классическим») университе-

38. Алексеева Л. П., Шаблыгина Н. С. Процессы университетизации вузов России и некоторые подходы к оценке их деятельности. М.: НИИВО, 1999.

39. См. официальный сайт Ассоциации классических университетов: URL: <http://www.acur.msu.ru/>.

там, для профиля гуманитарных и общественных дисциплин важнейшую роль все 2000-е годы играло Учебно-методическое объединение (УМО) по классическому университетскому образованию (ранее Учебно-методическое объединение университетов СССР), созданное на базе Московского государственного университета еще в 1987 году⁴⁰. Уже упомянутая Ассоциация классических университетов России во главе с В. А. Садовничим выделилась из Евразийской ассоциации университетов (стран СНГ) в июне 2001 года. Председатель АКUR назвал четыре функции классического университета: производство знаний, их накопление и хранение, передача и распространение. Нетрудно заметить, что под столь расширительное толкование попадало любое учебное учреждение и даже семья. Отстаивая групповые интересы, Ассоциация создавала дочерние организации, например «консалтинговые центры».

Впрочем, входящие в Ассоциацию ректоры пытались и самостоятельно определить границы, защищающие привилегии их университетов по праву прошлого. И в этом стремлении достигали большего, чем сама Ассоциация. Например, ректор Томского университета Г. В. Майер уверял, что «основной задачей классического университета является подготовка и воспитание не только высококвалифицированной, но энциклопедически развитой творческой личности, способной к саморазвитию»⁴¹.

Сходные процессы шли в независимых государствах бывшего Советского Союза. Еще 5 сентября 1996 года Кабинет министров Украины утвердил «Положение о государственном высшем учебном заведении» (Постановление № 1074) и закрепил в нем особый статус «классического университета»⁴². Под ним законодотворцы подразумевали «многопрофильные высшие учебные заведения, готовящие специалистов по широкому спектру естественных, гуманитарных, технических и других направлений». Документ уверял, что в таком вузе «проводятся фундаментальные и прикладные научные исследования, ведется культурно-просветительская деятельность. В целом классический универ-

40. См. материалы на сайте Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию: URL: <http://www.umo.msu.ru/>.

41. Майер Г. В., Бабанский М. Д. Классические университеты: современность и перспективы // Университетское управление. 2000. № 2 (13). С. 20–21.

42. См.: URL: <http://zakon.nau.ua/rus/doc/?code=1074-96-%EF>. Оценку украинской ситуации см. в публикациях М. А. Минакова: *Минаков М. А. Культурна альтернатива Університету // Український гуманітарний огляд. 2003. № 9. С. 13–25; Он же. Дійсність Університету: між науковим універсалізмом та українським трайбалізмом // Університетська автономія. Київ: Дух і літера, 2008, а также материалы сборника: *Покликання університету: зб. наук. пр. / відп. ред. О. Гомілко. Київ: Веселка, 2005.**

ситет объединяет три вида общественно значимых социальных институтов: науки, образования и культуры»⁴³.

В Белоруссии флагманом университетской интеграции (а также агентом исторической политики) стал старейший столичный университет⁴⁴, особенно после того как авторитетный Европейский гуманитарный университет вынужден был под прямым давлением властей и вопреки протестам европейских ученых эмигрировать из Минска в Вильнюс.

В 2000-е годы с программами российских УМО по профилю «классических» работали университеты в Ереване, Душанбе, Бишкеке, а также в Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии.

ЗАКАЗЫ НА ТРАДИЦИЮ

Осознание того, что в новых политических условиях родословная может стать основанием для получения административных и финансовых льгот, побудило ректоров ряда университетов заказать исторические исследования и использовать их в качестве исторического обоснования права на привилегии. Эта установка на официальном сайте Саратовского государственного университета выражена так:

Мы с огромным уважением относимся к поискам наших коллег, но сохраняем при этом свое право на выбор модели управления. Наш университет — классический — требует особо бережного отношения⁴⁵.

Последнее замечание характерно для ректора, само назначение и деятельность которого сопровождались громкими публичными скандалами и острым конфликтом между ректоратом и деканатом исторического факультета (при явном участии политических сил). Эта история середины 2000-х получила широкую огласку в прессе⁴⁶.

43. См. о российской «классификации» вузов: *Шадриков В. Д., Геворнян Е. Н., Наводлов В. Г., Мотова Г. Н., Петропавловский М. В.* О видах высших образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2000. № 3. С. 13–25.

44. См. многочисленные материалы Центра проблем развития образования Белорусского государственного университета: URL: <http://www.bsu.by/ru/main.aspx?guid=4631>, в том числе сборник: *Идея университета. Парадоксы самоописания.* Минск: БГУ, 2002, и др.

45. «Наш университет — классический»: интервью с ректором СГУ, профессором Л. Ю. Коссовичем // Саратовская панорама. 19.04.2006. № 25. URL: <http://www.sgu.ru/smi/article51.php>.

46. *Михель Д.* Университетская интеллигенция и бюрократия: борьба за университетские свободы в постсоветской России // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 (51).

Итак, потребность в непрерывности, внимание к прошлому и традициям, сближающие позднимперские и позднесоветские университетские юбилеи, претерпели в постперестроечные годы примечательную трансформацию⁴⁷. Политическая актуальность и выгодность «длинной истории» способствовали утаиванию разрывов в университетском прошлом и игнорированию соответствующих тем. Так, казалось бы, доступ к архивам и практически отсутствие цензуры должны были в 1990–2000-е годы вызвать всплеск интереса к политическим репрессиям в советских университетах 1930–1940-х годов. Но он бы явно акцентировал разрыв между дореволюционным и советским периодами университетской жизни, продемонстрировал, насколько «выдрессированной» и этатистской стала «советская вузовская интеллигенция». А потому такой интерес не родился или не был поддержан.

Изредка попадающие на страницы историографических сочинений сюжеты о репрессиях и ограничениях «сверху» в привычном страдательном залоге только пресекают возможность социологически заостренной постановки вопроса о сращенности знания и власти в советское время, о симбиозе академической и политической элит⁴⁸. Чаще всего исторические факты политических гонений используются университетской администрацией как «охранная грамота» для сохранения статус-кво или «свободы рук» в делах внутриуниверситетских. Для сравнения ситуаций напомним, что после 1988 года в Германии критическая дистанция по отношению к компромиссам с прошлым позволила переоценить немецкую традицию культуры и «чистого знания», показать ее зависимость от политической стратегии и конъюнктуры того или иного периода. Эта болезненная и явно неприятная процедура позволяет обрести иммунитет против повторения трагедий прошлого.

Весь арсенал новейшей критической интеллектуальной истории, истории повседневности, политической и социальной истории оказался неудобным для самолегитимирующих установок верхушки университетского корпуса и обслуживающих их историков. Интерес новейшей университетской историографии к подвижным иерархиям, неравенствам, генерационным

47. См. характерные работы: *Ляхович Е. С., Ревушкин А. С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998; *Аврус А. И.* История российских университетов: очерки. М.: Моск. общественный научный фонд, 2001.

48. *Александров Д.* Немецкие мандарины и уроки сравнительной истории // Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: академическое сообщество в Германии 1890–1993 / Пер. с. англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 617–632.

или академическим конфликтам⁴⁹ никак не отвечает желани-
ям простой, механической преемственности и представлени-
ям об общей лояльности вузовской интеллигенции к полити-
ке властей предрежащих (в духе всегдашнего — что в 1890-е, что
в 1950-е — «служения Отчизне»).

В результате в сегодняшних общих трудах по истории уни-
верситетского образования XIX века можно прочитать следую-
щие рассуждения о национальном своеобразии отечественной
высшей школы:

Подводя итог сказанному, подчеркнем еще раз основную осо-
бенность литературы, посвященной описанию истории отечест-
венной высшей школы в начале XX [века]. Речь идет о недооцен-
ке духовной или политической составляющей этого важнейшего
признака русской модели университета. <...> Не секрет, что ги-
гантский взлет российской науки и культуры стал возможным
благодаря возникшей в начале [XIX] века системе императорских
университетов, в стенах которых получали великолепную гаран-
ту лучшие умы России, прославившие свою страну в веках кори-
феи науки и искусства. И она, эта система, преодолевая пиковые
спады, неуклонно развивалась, развивается и, надо полагать, бу-
дет развиваться в дальнейшем. Об этом свидетельствует актив-
ное личное участие президента России в разрешении судьбонос-
ных проблем современной высшей школы.

На исходе XIX века особенно ярко оказались выражены
именно те признаки отечественной высшей школы, которые вы-
делили ее в мировом университетском сообществе. Посаженный
рукой Ломоносова в обогащенную сильной протекционистской
политикой, берущей начало от Петра Великого почву саженец
привился, окреп и принес богатые плоды. <...> И если после еще
более острых кризисов, пережитых высшей школой в XX столе-
тии, она не только устояла, но и обеспечила дальнейший рас-
цвет отечественной науки и культуры, значит, такой курс напи-
сан на ее роду, и другого не дано⁵⁰.

49. См. материалы периодического издания *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*.
Особенно выделяются в этом смысле работы Кристофа Шарля, Викто-
ра Каради (на которых решающим образом повлиял Пьер Бурдьё), Рю-
дигера фон Бруха (Rüdiger vom Bruch), Митчелла Эша (Mitchell G. Ash)
(усвоивших критические уроки Фрица Фишера, Джорджа Моссе и Фри-
ца Рингера) и других. См.: *Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вто-
рая половина XIX века* / Пер. с фр. под. ред. С. Л. Козлова. М.: Новое из-
дательство, 2005, и др.
50. *Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры* /
Под ред. Е. В. Олесеюка. М.: Союз, 2005. С. 184. См. также: *Олесеюк Е. В.,
Сизов В. В., Круглов Ю. Г., Шулуз А. А.* Был ли «русский путь» развития
университетов? // *Социально-гуманитарные знания*. 2009. № 3. С. 145–
158; *Олесеюк Е. В., Гаврилов В. С., Динес В. А.* Еще раз о национальных

Конечно, подобные изоляционистские самоописания «русской модели университетов» представляют собой крайность в исторической литературе, но крайность допускаемую и даже поощряемую. Данный коллективный труд издан под грифом Федерального центра образовательного законодательства и посвящен VII Всероссийскому съезду ректоров.

О НЕУДОБСТВЕ РЕВИЗИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Условия развития университетских исследований в современной России таковы, что административный заказ и групповые интересы преподавателей-коллег служат жестким ограничением в разработке целого ряда тем и предохраняют университетские исследования в целом от методологической ревизии. Так, поскольку вопрос о кризисах и конфликтах не приветствуется потребителями и заказчиками историй, самыми «фундаментальными» работами по истории университетов раннесоветского времени остаются концептуально устаревшие труды Ш. Х. Чанбарисова и Ф. Ф. Королева⁵¹. И поскольку ревизия теоретических оснований и аналитического инструментария, выявление дискурсивной природы исторических источников и созданных на их основе нарративов ведет к утрате веры читателей в эпические сказания об университете, она вызывает противодействие альянса университетских чиновников и ангажированных ими историков. И это понятно.

Аналитическая деконструкция, действительно, обнажает рукотворный и изменчивый характер фетиша — «университетской традиции». Более того, в тех случаях, когда мы работаем не только с одним типом источников — правительственными распоряжениями и законодательными проектами, то обнаруживается сосуществование в одном временном срезе нескольких несовпадающих традиций (например, одна — у студентов, другая — у профессоров, третья — у ректоров). К тому же далеко не все традиции письменно фиксировались и превращались в нормативный и дисциплинирующий своды. В университет-

моделях образования и о новом прочтении исторических текстов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6. С. 305–320.

51. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы: 1917–1938 годы. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973; Королев Ф. Ф. Из истории народного образования в советской России: низшие и средние профессиональные школы и высшее образование в 1917–1920 годы // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 102. 1959. С. 3–157.

ском фольклоре и мемуарах можно обнаружить следы неписанных традиций, действовавших на уровне практик (банкет после защиты диссертации или уход студентов за могилами профессоров, например).

Стоит напомнить, что разрыв с дореволюционным университетом в ранние советские годы означал не только смену прежнего студенческого корпуса на выпускников рабфаков, глухих к звукам *Gaudeamus*, но и долговременные — до середины 1930-х годов — попытки отказаться от традиционных методических форм вроде лекций и семинаров⁵².

Университетские традиции имеют разные сроки жизни и периоды обновления. И что можно сказать с уверенностью — нет единой и всеобщей университетской традиции «как таковой», она всегда гетерогенна и образуется из совокупности разных традиций. Другое дело, что усилиями нескольких поколений университетских писателей (и в XIX веке, и в последующем) создавался и затем несколько раз радикально переписывался большой нарратив университетской традиции, своего рода эпос университетской жизни.

В начале советского периода этот эпос пытались радикально видоизменить в пользу альтернативного нарратива (ценностей студенческого движения, революционного обновления и социотехнической модернизации), но уже начиная со зрелого сталинизма парадигма преемственности оказывается все более значимой. Восстановленная в правах в 1960–1980-е годы — применительно к прошлому — идея университетской автономии (как важная часть «прогрессивной традиции» XIX столетия) уже в 1990-е оказалась формой консервации достигнутого, способом защиты ректорского сообщества и изрядной части профессуры — через апелляцию к истории — от «вмешательства горе-реформаторов». В результате под классическим университетом стал фактически пониматься университет брежневского времени. Интересно, что эта легитимация советского университета под знаком апелляции к дореволюционному наследию сложилась в своих базовых чертах еще в середине 1990-х и в определенных чертах предвосхитила куда более масштабный поворот к переоценке прошлого начала 2000-х годов, обычно ассоциируемый с именем Путина. И закономерно, что эта защита «нашей традиции» обретает ощутимый изоляционистский акцент.

Однако любое *современное* представление об университетской традиции в Петербурге, Нью-Йорке, Фрейбурге или Токио вбирает в себя писанные и неписанные нормы, правила и повест-

52. См. мемуарные свидетельства автора «Крутого маршрута»: Гинзбург Е. Студенты двадцатых годов // Юность. 1996. № 8.

вованая о прошлом. Такое гомогенное видение — по сути, отсутствовавшее в XIX веке — пытается создать из этих разнородных элементов единый, всегдашний (вневременной), самоидентифицирующийся поток. Такой нарратив всегда изготавливается для определенных нужд — обретения самоидентичности, рекламы, пропаганды образования, мифологизации университета, извлечения политических и финансовых льгот. Но затем он утрачивает эту условность и начинает претендовать на документальное отражение реальности.

Понятно, что такое толкование или опрощение святыни не должно нравиться ни верующим в нее, ни тем более «служителям культа». Для многих историков университетов гораздо проще, почетней и безопасней поставлять на книжный рынок нечитательные юбилейные компиляции и биографические справочники университетских сотрудников со времен основания школы и до сегодняшнего ее руководителя⁵³, чем трогать те стороны прошлого, которые не вписываются в беспроблемную картину поступательного неразрывного развития «нашего славного заведения».

В результате в российской историографии практически нет работ, посвященных университетам периода революций и Гражданской войны⁵⁴. Очень редко появляются публикации о про-

53. См. характерный пример: Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 1934–2004: очерк истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. В качестве образца «ведомственных изданий»: Очерки истории российского образования: В 3 т. К 200-летию Министерства образования Российской Федерации / Под ред. В. М. Филиппова. М.: МГУП, 2002.

54. Из немногих исключений: *Литвин А. Л.* Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть: материалы международного colloquium. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 124–132; заключительная глава о культурных преобразованиях в монографии: *Рышков В. М.* Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России: вторая половина 1918–1919 годов. Новосибирск: Сибпринт, 2008; *Михеенков Е. Г.* Вузовская интеллигенция города Томска в годы революции и Гражданской войны, февраль 1917 — конец 1919 годов: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002; *Сизова А. Ю.* Российская высшая школа в революционных событиях 1917 года: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007 и некоторые другие работы. Отметим важные публикации К. В. Иванова, А. Н. Еремеевой и Л. Г. Берлявского об этом периоде в недавно вышедшем сборнике: Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М.: НЛО, 2012. В то время как на Украине, где этот период связывают с предысторией нынешней государственности, издана замечательно полная подборка документов о Киевском университете: *Alma mater: Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції: матеріали, документи, спогади: У 3 кн. Кн. 1–2 / автори-упорядники: В. А. Короткий, В. І. Ульяновський.* Київ: Прайм, 2000.

тиворечиях и изменениях состава послевоенной вузовской интеллигенции. А если и появляются, то их авторы принадлежат, скорее, к цеху историков науки⁵⁵. У университетской истории России нет удовлетворительной хронологии, нет истории переходов, поворотных точек и трансформаций, нет проблематизации связи политической и университетской историй.

Для движения в этом направлении нужны комплексные историко-ведческие исследования университетских архивов и архивов «идентичностей», а также более общее концептуальная рефлексия философских, этических и политических характеристик университетской жизни. Нам представляется возможным выработать согласованные языки и параметры описания феномена «российский университет» в исторической ретроспективе и социологическом горизонте. Это позволит эффективнее диагностировать объект наших штудий и выявлять причины его современного состояния.

55. См.: *Лейбович О. Л.* В городе М.: Очерки социальной повседневности советской провинции в 1940–1950-х годах. 2-е изд., испр. М.: РОССПЭН, 2008. С. 178–214 (глава о судьбе историка Л. Е. Кертмана в послевоенной Перми); *Сизов С. Г.* Идеологические кампании 1947–1953 годов и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 95–103; *Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века* / Под ред. А. А. Касьяна. М.: Прогресс-Традиция, 2008 (на материалах г. Горький); *Берельковский И. В.* Власть и научно-педагогическая интеллигенция: идеологический диктат в СССР конца 1920-х — начала 1950-х годов (по материалам Нижегородской губернии — Горьковской области). 2-е изд., доп. М.: МГТУ; Н. Новгород: НГПУ, 2007.